

РЕЦЕНЗИИ

«Leçons de linguistique de Gustave Guillaume (1948—1949)», publiées par R. Valin, Paris — Québec, 1971. I — 269 стр., II — 222 стр.

Рецензируемая работа представляет собой два тома, в которых собраны лекции, прочитанные Г. Гийомом (1883—1960) в 1948—1949 учебном году в Сорбонне. Это часть неизданных материалов из теоретического наследия французского ученого, которыми располагает фонд Г. Гийома, созданный при Квебекском университете¹. Текст лекций подготовлен к публикации проф. Р. Валеном (Квебек) совместно с группой канадских и французских лингвистов.

В предисловии к первому тому Р. Вален подчеркивает, что в психомеханике, созданию которой Г. Гийом отдал 50 лет своей жизни, не следует искать ортодоксального учения; огромной ошибкой было бы рассматривать публикуемые тексты лекций как новое евангелие, подобное тому, которое сделали в свое время из текста лекций Ф. де Соссюра. У Г. Гийома надо заимствовать подход к проблемам речевой деятельности, способ их решения и общее направление исследования; любое положение, выдвигаемое Гийомом, должно рассматриваться не только как результат размышлений, как конечная точка движения мысли, но и как начало нового этапа раздумий, как первая точка движения в развитии мысли. Иными словами, психомеханика предстает не в виде сложившейся и законченной теории, а в виде складывающейся, создаваемой части общей науки о Человеке.

Первые два тома из предпринятой Квебекским университетом публикации (пред-

полагается выпускать по два—три тома в год) включают в себя, соответственно, лекции, посвященные теме «Семиологическая и психическая структура французского языка» и лекции курса «Психосистематика речевой деятельности (принципы, методы и их применение)». Привлекаются данные в основном французского языка, но при изложении принципов и методики психосистематического анализа (второй том) автор обращается к другим индоевропейским языкам, в шести лекциях дается материал баскского языка. Г. Гийом хочет показать универсальность принципов и методов анализа, раскрывая их со стороны тех возможностей приложения их к любому языковому материалу, которые вытекают из универсального характера законов человеческого мышления. Не занимаясь психологией, ни тем более физиологией, Г. Гийом пытается понять психическую (понятийную) основу речи, вскрыть г л у б и н н ы е структуры, рождающие речь и реализуемые в речи.

Понятие глубинных и поверхностных структур устанавливается Г. Гийомом в связи с противооставлением языка и речи, означаемого и означающего. Напомним, что, по Гийому, область языка включает в себя систему представлений, так что означаемое, открываемое через означающее, выступает как факт языка и факт мысли. Глубинная структура — это психическая (=понятийная), относящаяся к означаемому, структура языка. Поверхностная структура — это семиологическая, относящаяся к означающему, структура речи (I, стр. 69—70).

В каждом языке устанавливается определенное соответствие между этими структурами, и каждая из этих структур обладает своими законами и принципами организации. Для психических (глубинных, языковых) структур отмечают закон наибольшей конструктивной когерентности²,

¹ В Фонде Г. Гийома собраны работы как самого ученого (около 60 тыс. рукописных страниц), так и его учеников и последователей. Фонд пополняется сочинениями, развивающими идеи французской школы психолингвистики, и регулярно публикует сведения о работах, которые ведутся или уже выполнены в различных университетах и научных центрах мира с ориентацией на концепцию Г. Гийома. По информации на май 1972 г. фонд располагает исследованиями (фотокопии, рукописи) по ряду проблем немецкого, английского, испанского, баскского и других языков.

² У других ученых встречаем подобную идею о симметрии, экономии как принципах системной организации, см., например, работы Н. Трубецкого, А. Мартине, членов Пражского лингвистического кружка и др.

для семиологических (поверхностных, речевых) — закон наибольшего соответствия способов выражения при экстерииоризации психических структур (I, стр. 84). Примером когерентности психических и семиологических структур может служить спряжение глагола *aller*. Семиология предоставляет выбор корней *all-*, *v-*, *i-*, которые распределяются между формами спряжения таким образом, что достигается наилучшее соответствие форм (речевой, семиологический план) позициям глагольной системы французского языка (языковой, психический план). Корень *all-* является, во-первых, единственным возможным резервом для образования форм прошедшего времени (*j'allais*, *j'allais*), во-вторых, единственной основой для всех, кроме индикатива, наклонений (*que j'aie*, *que j'allasse*, *aller*, *allant*, *allé*), наконец, в-третьих, основой для образования сдвоенного лица, т. е. 1 и 2-го лиц мн. числа (*toi et moi*, *toi et lui*). Корень *v-* служит для выражения презенса при условии, что этот презенс связан с одним простым (не сдвоенным) лицом. Корень *i-* — единственно возможная основа для образования будущего времени.

Добавляя к этой семиологии семиологию глагольных окончаний, мы получаем возможность очертить п с и х и ч е с к у ю глагольно-временную систему французского языка, которой подчинен как глагол *aller*, так и вообще все французские глаголы. Итак, двойное предназначение корня *all-* (для выражения прошедшего времени индикатива и для выражения неиндикативных наклонений) указывает на то, что неиндикативные наклонения являются по отношению к индикативу п р о ш е д ш и м и, преодоленными индикативом в процессе его формирования. Иными словами, модальный генезис индикатива имеет несколько пройденных этапов, которые отражены в таких означаемых, как инфинитив, герундий, причастие, сослагательное наклонение; эти означаемые составляют прошедшее в модальной хронологии, противопоставляя прошедшему в реальной хронологии. Семиология глагола *aller*, предоставляющая корень *all-* для выражения этих двух прошедших, оказывается абсолютно когерентной психосистематике, а схема, воспроизводящая архитектуру этой семиологии, есть не что иное, как набросок архитектуры французской глагольно-временной системы (I, стр. 75—91)³.

Возможны и несовпадения семиологии и систематики. Так, например, во французском языке семиология не различает мужской и женский род формой *les*, общей

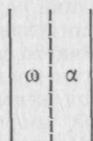
для двух родов. Более того, французский язык знает в плане глубинных структур и третий, средний род, ибо на этом уровне четко разграничиваются понятия истинного и фиктивного рода. Первому понятию семиология предоставляет альтернативу мужской/женский род, типа: *le roi — la reine* «король — королева», *le chat — la chatte* «кот — кошка», *le lion — la lionne* «лев — львица»; второму понятию семиология не дает подобной альтернативы, следовательно, в случаях типа: *la table — le fauteuil* «стол — кресло» и т. п. мы имеем дело с отсутствием рода, т. е. со средним родом. Значит, во французском языке, подобно английскому, существует три рода (два рода — для имен одушевленных, один — для неодушевленных), но эти три рода устанавливаются в плане психических (языковых) структур, тогда как в плане семиологических (речевых) структур выявляется только два рода.

Расхождение планов психического и семиологического весьма затрудняет работу лингвиста, который должен через семиологию проникнуть в систематику. Однако систематика раскрывается не путем анализа всех употреблений той или иной формы, а путем теоретического воссоздания системы. С точки зрения Гийома, каждая языковая форма обладает своей языковой фундаментальной значимостью, единственной и позволяющей всевозможные контекстные вариации. Как бы разнообразны ни были эти контекстные употребления, ни одно из них не противоречит фундаментальному значению формы, так что мы можем говорить о е е п е р в и ч н о м языковом значении и веерообразно раскрывающихся в т о р и ч н ы х речевых значениях. Исследователь должен понять и объяснить это значение — единичное в языке и разнообразное по множеству употреблений в речи, учитывая при этом, что языковое, системное значение формы предопределяет ее речевые реализации (I, стр. 77—79). Возьмем, к примеру, прошедшее времена французского глагола — *passé simple* и *imparfait*. Некоторые их употребления почти синонимичны, ср.: *Le lendemain Pierre arriva. — Le lendemain Pierre arrivait; Au même moment, Pierre entra. — Au même moment, Pierre entrait*. Объяснение этим случаям Г. Гийом дает на основе позиционных (системных) характеристик форм, т. е. исходя из позиций означаемых в системе. Вот вкратце его рассуждения.

Времена индикатива — прошедшее и будущее, разделенные линией настоящего, имеют сложное строение, основанное на сложном строении настоящего. Дело в том, что французский презенс, как и презенс других романских языков, имеет вертикальную композицию, противопоставляясь таким образом латинскому горизонтальному презенсу:

³ О временной системе см. также: Л. М. Скредина, Об одном направлении во французской лингвистике, ФН, 1971, 2, стр. 69—72.

латинский презенс:

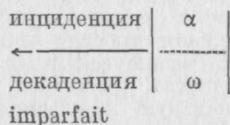
романский (и французский)
презенс:

Части презенса, обозначенные литерами α и ω, соответствуют футуральной (α) и претеритальной (ω) его областям. Вертикальная композиция романского презенса является следствием стремления его к максимальной узости, поскольку настоящее время — это фикция, своеобразный водораздел, искусственная граница между прошедшим и будущим на временной оси. Вертикальность французского презенса говорит о иерархии уровней — высшего (α) и низшего (ω). Высший уровень есть план наступающего времени, или инцидентности (incidence); низший — план наступившего времени (décadence). Таким образом, билатеральная бесконечность времени разделяется соответственно на два уровня — инцидентности и декаденции:

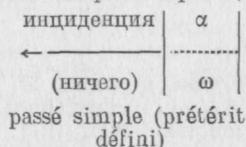
Схема представляет реализацию в индикативе одного презенса, выступающего разделителем временных планов — двух прошедших и двух будущих. По отношению к самому себе презенс неделим (позиционная его характеристика в системе — разделять прошедшее и будущее).

Прошедшее время, взятое в инцидентности (как наступающее время) и задуманное как не переходящее в декаденцию, — это *passé défini* (*passé simple*). Прошедшее время, взятое в инцидентности, но задуманное как уже вовлеченное в декаденцию, т. е. уже наступившее, — это *imparfait*. Иными словами, во фразе *Pierre marchait* реализуются такие смыслы: 1) *Pierre a déjà marché* (декаденция, совершенность) и 2) *Pierre marche encore* (инцидентность, совершение). Схематически можно так изобразить означаемые *imparfait* и *passé simple*:

гольного действия (I, стр. 77 — 122).

В приведенном примере анализа просматривается стремление Г. Гийома проникнуть как в хронологию такого события, как построение системы на протяжении длительной истории созидания языка, так и в хронометрию такого события, как кратковременное использование имеющейся в распоряжении говорящего индивида системы. Мы встречаем непривычный способ рассуждений и непривычные термины и выражения: «взятое в инцидентности (декаденции) и задуманное», «мысль рассматривающая» и «мысль рассмотренная...» (в лекциях, посвященных французскому сослагательному наклонению) и т. п. Все это необычно и составляет главную особенность философии Г. Гийома, который хочет объединить то, что все остальные лингвисты на протяжении многих лет старались разъединить, т. е. ана-

лиз мысли и слова. Г. Гийом различает и сознательную работу мысли, когда говорящий думает о выборе форм и построении фразы, и бессознательный механизм выбора и использования форм, в котором отражается генезис каждой формы в системе. Именно это постоянное обращение Г. Гийома к плану сознательного и бессознательного, участвующего в функционировании языка как потенциальной реализуемой системы, определенным образом мешает восприятию его теории. Мы привыкли к ясности и ограниченности поля исследования, объекты нашего внимания вычлняются достаточно четко и однозначно, и даже многомерность анализа не переходит границы очерченной плоскости. Гийом же то и дело «соскальзывает» с плоскости «речь» в плоскости «говорение», «система», «мысль», «мышление», «созидание языка», «функционирование языка», «реализация потенций» и т. п., выявляя участие каждой из названных плоскостей в единовременном речевом акте или в длительном процессе созидания языка.

Иными словами, Г. Гийом объединяет применительно к любому этапу своих рассуждений планы языка как результативного образования и как деятельности двойного характера — 1) многовековой и предшествующей результативному образованию и 2) кратковременной и мгновенной, в результате которой реализуется получившееся образование. Во всех этих рассуждениях присутствует образ времени. В. фон Гумбольдт говорил об *ergon* и *energeia*; Ф. де Соссюр разделил синхронию и диахронию; И. А. Бодуэн де Куртенэ видел в статике частный случай кинематики. Нет ученого, который бы не отдавал себе отчет в том, что язык есть и продукт деятельности, и сам — деятельность. Однако нет и такого ученого, который бы так «смешал» воедино рассмотренные этой деятельности и ее продукта, как это сделал Г. Гийом. Оттого-то так трудно читать его работы.

Итак, время, по Гийому, — это основная характеристика языка. Введением понятия времени и постоянным обращением к нему Г. Гийом дает понять, что язык есть непрекращающийся, творческий, созидательный процесс. Наша задача состоит в том, чтобы проникнуть в механизм функционирования и развития этого сложного динамического явления, вскрыть систему его построения и систему материализации в речи (говорении) различных элементов построения, но не только как результативного образования, а как постоянно строящегося целого. В связи с этим психосистематика оказывается частью исторического языкознания, вершиной науки о языке, соединяя в себе историю языка (речевой деятельности) и феноменологию языка (II, стр. 14—15).

В исторической перспективе созидания и функционирования языка психосисте-

матика устанавливает трехмерное решение задач, которые встают перед исследователем: 1) решение в плане систематическом, который отражает построение и сохранение конститутивных систем языка; 2) решение в плане семиологическом, который отражает постоянный поиск среди языковых ресурсов форм, отвечающих требованиям оптимального выражения мысли; 3) решение в плане плерономическом, который отражает дифференциацию и рост количества наиболее общих элементов системы, призванных выражать отдельные понятия и идеи.

Совмещением этих трех сил — систематики, семиологии и плерономики (лексики), из которых каждая несет в себе специфический созидательный «заряд», язык, а через него и языковая деятельность, претерпевает изменения, развивается, причем темпы развития для разных сторон языка на одном и том же отрезке времени будут различными. Систематика, отражающая мыслительные процессы постижения вещей, представляет собою наиболее глубокую составную часть языка; ее развитие идет крайне медленно. В семиологии происходит сопоставление мыслимых и выражаемых единиц, при котором язык получает физические (формальные) и психические (содержательные) средства восприятия и постижения действительности; развитие семиологии тоже идет медленно. В лексике различные грамматические формы заполняются самым разнообразным содержанием, постоянно меняющимся, скорость происходящих изменений в лексике, в соответствии со скоростью происходящих в жизни человеческого общества событий, весьма значительна.

Однако, сколь бы медленными ни были эти эволюционные процессы, они все же проходят быстрее тех изменений, которые касаются самих механизмов мышления и речетворчества. Именно эти механизмы составляют формальное содержание языка как речевой деятельности, его глубинную структуру и его систематику. Возьмем, например, такие наблюдаемые элементы системы, как части речи. Они относятся к глубинным категориям, представляя собою самые обобщенные результаты мыслительной деятельности. Во всех индоевропейских языках, начиная с праязыкового состояния, такие понятия категории, как имя, глагол, никогда не затрагиваются эволюционным процессом полностью, целостность их не нарушается, а в связи с этим не изменяется их взаимное соотношение. Так, появление в глаголе целой серии сложных и даже сверхсложных форм (в соответствии с реконструкцией видовой системы на новой основе) сопровождается сокращением падежных форм в имени, число которых уменьшается от восьми (индоевропейский) до шести в латинском, пяти — в древнегреческом, четырех — в немецком, двух — в

старофранцузском, ни одной — во французском.

В обычных условиях говорящий использует имеющийся материал для процесса говорения. Если он испытывает нужду в каких-либо лексических единицах для адекватного обозначения явлений действительности, то конструирует их из готового материала, — так появляются неологизмы, дериваты, заимствования. Но бывают случаи дефицита форм на другом уровне — на уровне понятийных категорий. Здесь мы вступаем в область закрытых серий⁴. Говорящий оказывается перед альтернативой — или отказ от поисков новой конструкции (что бывает чаще всего) и использование старой конструкции каким-либо особым образом, не противоречащим существующим установлениям в языке, или введение грамматического новшества, с изменением функций используемой старой конструкции в сторону расширения (экстенсивное употребление) или сужения (рестриктивное употребление). Грамматическое новшество обеспечивается грамматическим контекстом, где совокупность элементов позволяет появиться нужной конструкции. Именно таким путем появились в разных языках артикли, определенный — из указательного местоимения, неопределенный — из числительного.

Эта контекстная обусловленность, вызывающая новообразование, называется Г. Гийомом *потенциальной функцией*; она объясняет инновации и их последующее включение в систему. С течением времени новая форма расширяет свои функции и сферы употребления (так было с артиклем), иногда она вызывает перестройку системы (так было с глагольной системой романских языков, испытавшей перестройку в связи с изменением композиции презенса).

Короче говоря, всякая инновация, обогащая язык, помещается в определенном моменте языковой деятельности. И этот процесс обновления языковой системы вечен и бесконечен, поскольку бесконечны человеческий опыт и познание вселенной, частью которой является как сам человек, так и его язык. Взаимоотношения процесса построения языка (глоссоге-

ния) и процесса его использования в речи (праксеогения) весьма просты и в то же время сложны, ибо каждый момент праксеогении совпадает с определенным моментом в глоссогении. Праксеогения представляет моментальное использование говорящими имеющегося в их распоряжении языка в том состоянии, которое дает глоссогения, т. е. в любой момент говорения весь язык находится целиком в распоряжении говорящего, предлагая ему, так сказать, свои ресурсы, даже если говорящий минимально нуждается в языковых средствах для выражения своих мыслей. Г. Гийом называет эти ресурсы *потенциальными элементами*, определяя время, необходимое для их реализации в речи как *оперативное*. Какими бы ни были потенциальные единицы, реализация их в речи совпадает по времени с конструированием фразы. Итак, фраза, по Гийому, — речевая единица; потенциальной же (языковой) единицей для французского языка признается слово, для других языков потенциальной единицей может быть и часть слова (II, стр. 21—43).

Оперативное время по природе своей двуедино, относясь сразу к двум планам — плану (времени) системных операций образования виртуальных понятий (схемы этих операций заключены в языке) и плану (времени) конструирования более или менее сложных единиц, т. е. фраз, из которых составляется речь. Это переключивание временных планов — языкового (глоссологического) и речевого (дискурсивного) прослеживается у Г. Гийома везде, и при трактовке артикля, и тем более при трактовке глагола. В двуединности оперативного времени, выявляющейся в самые различные моменты, мы обнаруживаем важнейшую черту язык как феномена — наличие разницы между потенциальным и реализованным. Вместе с тем, отношению двух сторон оперативного времени — языкового и речевого — Г. Гийом приписывает фундаментальное значение для лингвистической типологии (см., например, II, стр. 23—36). Наряду с определенными особенностями систематики каждого языка, его «системной архитектуры», это отношение обуславливает *глубинные структуры*, обеспечивающие то или иное архитектурное своеобразие систематики.

Порою в одном единственном из дискурсивных моментов вскрывается целиком генезис слова со всем комплексом оперативных моментов, на которые этот генезис распадается. Примером может служить состояние, достигнутое словом в индоевропейских языках. При оформлении его в речи, т. е. при переходе в процессе говорения от потенциального языка к языку реализованному (материализованному), сам момент этого оформления оказывается носителем всего генезиса словесной формы, состоящего из более

⁴ По Гийому, язык для каждого из нас — это сумма представлений, которые делятся на две серии: закрытую, состоящую из самых общих представлений грамматических форм (например, закрытая серия части речи; внутри каждой части речи — закрытая серия форм, участвующих в определении данной части речи), и открытую, состоящую из частных понятий, каждое из которых обозначено особым звуковым комплексом и предназначено служить содержанием (по Гийому, *понятийным материалом*) для грамматически разных форм: *homme* ≠ *cheval*, *parler* ≠ *marcher* и т. д.

или менее длинной цепочки оперативных моментов. В форме имперфекта индикатива *il chantait* мы видим реализацию следующих мыслительных операций, предшествующих ее рождению: а) выбор залога, б) выбор вида, в) выбор наклонения, г) выбор времени, д) выбор лица. Все перечисленные выборы, вызывая к действию различные и последовательные операции, совершаются в одно мгновение, т. е. в пределах самого короткого отрезка времени, которое только способно зарегистрировать наше сознание. Разумеется, говорящий этого не сознает. Носители индоевропейских языков замечают время рождения (оформления) фразы; оно осознается как сводимое по длительности к моменту говорения, но отнюдь не к временному промежутку, насыщенному последовательно располагающимися сегментами. Иными словами, говорящий способен хронометрировать дискурсивное время (время конструирования фразы), но не способен к подобному процессу относительно потенциальной единицы языка — слова. Значит, есть операциональность сознательная (дискурсивная) и бессознательная (глоссологическая). Конструирование фразы размещается хронологически в первом, конструирование слова — во втором, т. е. «неощутимом» времени.

Последователями и оппонентами Г. Гийома неоднократно подчеркивалась умозрительность всех этих рассуждений. Сам Г. Гийом не тратил время на споры с противниками, но обосновывал право на умозрительные рассуждения замечанием о том, что признаваемая послесосюрговской лингвистикой система языка непосредственно не наблюдаема. Следовательно, для того чтобы ее изучить, надо ее создать, теоретически предположить, на основе наблюдаемых фактов речи (II, стр. 9—13). Р. Вален добавляет к этому в предисловии к I тому, что чисто теоретические, не подкрепленные экспериментальными данными утверждения известны науке, таковы гипотезы о шарообразной форме Земли, о физическом строении вещества. С прогрессом в области методики экспериментальных исследований в нейрофизиологии следует ожидать подтверждения теории Г. Гийома на базе визуальных наблюдений. Однако не всегда нужно стремиться к подобным доказательствам, говорит Р. Вален, иначе мы подорвем доверие к чистому теоретизированию, доказавшему право на существование в ряде наук, например, в математике, где постоянно прибегают к теоретической (умственной) проверке теоретических же предположений. Теория психомеханики может получить более выразительное подтверждение в практике преподавания языков. Так, в течение последних пятнадцати лет в Париже больших успехов в устранении различных дефектов речи и в обучении языку глухонемых достигли

именно на основе применения психомеханической теории Г. Гийома⁵.

Итак, знакомство с курсом лекций Г. Гийома вводит нас в непосредственный процесс разработки новой теории, которую, несмотря на всю ее оригинальность, невозможно изолировать от лингвистических учений прошлого и настоящего. Г. Гийом сам неоднократно проводит параллели между своей концепцией и положениями структурализма; он часто обращается к Ф. де Соссюру, оперирует материалом компаративистики. Стремление создать феноменологию языка сближает его с В. Гумбольдтом; представление языка как явления динамического и в то же время получающего моментальные статические характеристики, позволяет говорить о близости этих позиций установкам функциональной лингвистики. Желание возратить языку его значение антропологического явления и документа напоминает нам об антропологической лингвистике⁶. Однако использование понятия оперативного времени в качестве основного параметра любого языкового анализа ставит теорию Г. Гийома на особое место среди прочих теорий структурализма. Рассматривая каждое языковое явление в рамках его рождения в речи и в то же время соотносительно с его генозисом в языке, Г. Гийом каждый раз подчеркивает тем самым, что системы, реконструируемые нами научно, сознательно, отражают системы, реально существующие в нас и не осознаваемые нами. Таким образом, психомеханика как наука о лингвистическом ментализме рисует образ системы языка как лингвистической памяти, отражающей индивидуальный опыт говорящего и весь человеческий опыт в целом.

Под углом зрения материализации мысли в речи решаются кардинальные проблемы общего и частного языкознания: выделение частей речи и типологическая классификация языков; сравнение флективных, аналитических и изолирующих языков на основе взаимоотношения в них фактов языка и фактов речи; выделение и членение единиц языка и единиц речи; грамматические категории имени и глагола (например, падеж как факт языка и факт речи в классических и современных языках; архитектура категории времени в

⁵ См. по этому поводу: D. Sadek, L'article, son acquisition par le sourd profond, «Revue d'orthophonie», 136, Paris, 1968.

⁶ Н. Хомский говорит о невозможности объединения таких двух систем взглядов, как антропологическая лингвистика и универсальная грамматика (см.: Н. Хомский, Язык и мышление, М., 1972, стр. 96—97). Однако понятия универсального (всеобщего) и частного (национального) вполне уживаются в теории и практике лингвистического анализа Г. Гийома.

германских и романских языках); границы слова и предложения и пр.

Интерес к наследию Г. Гийома в лингвистическом мире велик и закономерен, влияние его на развитие науки о языке

несомненно. Новая публикация должна помочь в уяснении основных положений его концепции.

Л. М. Скрепина

J. Bělíč. Nástin české dialektologie. — Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1972. 464 стр. + 40 карт.

Прошло почти 40 лет со дня выхода в свет известной работы акад. Б. Гавранка «Чешские диалекты»¹, которая в методологическом отношении явилась поворотным пунктом в истории изучения чешских диалектов: впервые было описано не только географическое распространение диалектных явлений, но и все системы диалектов в их динамике.

За 40 лет чешская диалектология значительно шагнула вперед. Появились интересные как по материалу, так и по методу исследования монографии, посвященные описанию отдельных диалектов и больших диалектных групп. Это прежде всего работы А. Келлнера, А. Лампрехта, Я. Белича, Фр. Конечного, Я. Ворача, С. Утешеного, Ф. Сверака, Й. Скулины, Я. Хлоушка, В. Михалковой и др.² В диалектологическом секторе Института чешского языка Чехословацкой академии наук собран большой материал для составления диалектологического атласа чешского языка. Этот материал, равно как и материалы общеславянского лингвистического атласа (собранные в СССР), новейшие работы по диалектологии, по истории и исторической диалектологии

чешского языка³, а также многочисленные исследования самого Я. Белича по диалектам и интердиалектам послужили надежной основой для его капитального труда «Очерки чешской диалектологии».

Книга Я. Белича — это обобщающая работа, которая, с одной стороны, подводит итог многолетним исследованиям в области чешской диалектологии, с другой — открывает новые перспективы для диалектологических исследований, намечает проблематику этих исследований, решает сложнейшие вопросы переходности и интерференции языковых явлений. «Очерки чешской диалектологии» — это не только синтетическое, но одновременно и аналитическое описание структуры отдельных диалектных систем и дифференциальных признаков собственно чешских, среднеморавских, моравско-словацких, ляхских (силезских) диалектов с подробной характеристикой языкового состояния переходных диалектных зон и окраинных микродиалектов.

Первая (вводная) глава книги (стр. 9—21) посвящена характеристике различных компонентов чешского национального языка, взаимоотношению литературного языка, диалектов и интердиалектов, а также принципам классификации и границам диалектных групп. Ядро книги составляют вторая и третья главы, посвященные описанию чешских диалектов. В четвертой главе освещаются вопросы развития диалектов в их истории и в настоящее время. Заключительная глава характеризует состояние и задачи чешской диалектологии.

Важной особенностью «Очерков...» является то, что описание собственно языковых явлений часто дается на фоне исторических событий, с учетом миграционных движений, колонизаций, общественно-экономических факторов, на фоне истории языка и исторической диалектологии. Нередко устанавливается своеобразная корреляция изоглосс дифференциальных

¹ B. H a v r á n e k. Nářečí česká, «Československá vlastivěda», 3 (Jazyk), Praha, 1934.

² A. K e l l n e r. Východoláská nářečí, Brno, I — 1946, II — 1949; ег о ж е, Úvod do české dialektologie, Praha, 1954; A. L a m p r e c h t. Středoopavské nářečí, Praha, 1953; ег о ж е, Slovník středoopavského nářečí, Ostrava, 1963; J. B ě l í č. Dolská nářečí na Moravě, Praha, 1954; ег о ж е, Nářečí českého jazyka, «Československá vlastivěda», 4 (Jazyk), Praha, 1968; F. K o r e č n ý, Nářečí Určic a okolí, Praha, 1957; J. V o r á č. Česká nářečí jihozápadní, I, Praha, 1955; S. U t ě š e n ý, Nářečí přechodného pásu česko-moravského, Praha, 1960; F. S v ě r á k, Svatobořické nářečí, «Časopis Matice mor. 30», 1951; ег о ж е, Karlovické nářečí, Praha, 1957; J. S k u l i n a, Severní pomezí moravsko-slovenských nářečí, Praha, 1964; J. C h l o u p e k, Aspekty dialektu, Brno, 1971; V. M i c h á l k o v á, Studie o východomoravské nářeční větě, Praha, 1971, и др.

³ См., например: M. K o m á r e k, Historická mluvnice česká, I — Hláskosloví, Praha, 1958; F. C u ř í n, Studie z historické dialektologie a toponomastiky Čech, Praha, 1967; ег о ж е, Kapitoly z dějin českých nářečí a místních i pomístních jmen, Praha, 1970 и др.